

СОФЬЯ
РОЛДУГИНА

ИГРЫ
— ЭН РО —
ГРИММ
РЫЖИЙ И СКРИПКА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р67

Иллюстрации на обложку, форзац и заставку *Anne Svart*
Внутренние иллюстрации *Илоны Шавлоховой*
Цветные иллюстрации *SYLVA*
Дизайн обложки *Кати Петровой*

Ролдугина, Софья Валерьевна.

Р67 Игры Эн Ро Гримм. Рыжий и скрипка / Софья
Ролдугина. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-240027-8

В этой игре нет правил, фишек или фигур... и выхода тоже нет.

Всё начинается на исходе октября, накануне Самайна, когда ночи особенно темны и холодны, а грань между мирами истончается. Великий Неблагодой из Эн Ро Гримм забирает тех, кто потерял и забыт, кто лишился мечты или смысла жизни. Забирает — и предлагает исполнить любое желание: нужно лишь одолеть остальных соперников.

...Простой рыжий парень Джек с лисьими повадками и мрачной тайной; Сирил, скрипач, способный своей музыкой изменять саму реальность. У каждого из них была причина попасть в земли Эн Ро Гримм — и остаться здесь.

Ведь победитель получит всё.

Вот только за тысячу лет никто ещё не сумел обыграть Неблагого.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-240027-8

© Ролдугина С., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

*Льётся октябрь бледным вином из кубка,
Тычется по оврагам слепой туман,
Ветки рябин косточек птичьих хрупче —
Близок Самайн.*

*В стылой дали будто скулит кто-то,
Тонкий ледок манит — шагни, сломай,
Сонмы огней мечутся над болотом —
Близок Самайн.*

*Пёс во дворе прячется под корытом,
Полной луны алым горит кайма,
Запертые двери теперь открыты —
Близок Самайн.*

ГЛАВА 1

Удача любит рыжих

Поезд возник перед ним из тьмы, как чудовище.

Сперва неслышно загудели рельсы. Затем появилось тревожное ощущение близости чего-то огромного, холодного, неумолимого — и вспыхнули два ярких круглых огня, как широко расставленные глаза; выше блестел выпуклый стеклянный лоб, упрямый и бессмысленный — будто щелбана просил.

«Да это старая модель, — подумал Джек, отступая к платформе. — Разве их не списали в утиль ещё лет пятнадцать назад?»

Двигаясь рывками, поезд наползал как огромный железный червь. Или земляной дракон — Джек видел одного такого в книжке, ещё в детстве, очень давно. Книгу, наверное, продали вместе с домом, а потом она закончила свой путь на субботнем блошином рынке, если не в мусорном контейнере.

Дом всё ещё стоял — по крайней мере, полгода назад, весной.

Докатившись до тупика, поезд замер, тяжело кряхтя; огни снова угасли. Неуютная октябрьская ночь тут же стала вдвое темней и холодней. Движение во мраке скорее ощущалось, чем виделось — мельтешащие облака, ветки, танцующие на ветру... Воздух немного хрустел на зубах, резал нёбо — ещё не морозный, но уже почти.

Пахло прелой листвой, машинным маслом и рельсами.

«Надо бы в город двинуть, — подумал Джек в странном оцепенении, привалившись плечом к платформе. — Здесь-то чего ловить?»

Голову немного вело от усталости. Днём ему удалось поспать, но совсем немного, когда снимали контейнеры в хвосте грузового состава. Затем поезд двинулся снова, и там уж надо было смотреть в оба, чтобы не пропустить пересадку недалеко от Лоундейла. Новая «попутка» до Гримм-Хилл была потише и поновее: в крытых двухъярусных вагонах перевозили автомобили — бережно, в отличие от песка и угля. Во время короткой стоянки Джек незаметно выбрался из поезда и до города пошёл уже пешком, вдоль трассы; добрался к вечеру, покрутился на пассажирском вокзале, удачно помог перетаскать несколько чемоданов и получил щедрые чаевые.

Достаточные, чтоб сейчас найти хостел — и снять койку до конца недели.

«Горячий душ и чистое постельное бельё, — напомнил самому себе Джек, прикрывая глаза. — Что ж, надо идти».

Безнадёжно устаревший поезд ободряюще мигнул ему обеими фарами из тупика — и окончательно затих, будто оцепенел.

Как и всякий маленький городок, в котором нет ничего, кроме пары достопримечательностей, Гримм-Хилл жил от праздника до праздника — и сейчас, в преддверии Хеллоуина, горел всеми оттенками оранжевого. Кое-где пробивались чёрные и тёмно-фиолетовые пятна, как плесень. Из каждой витрины скалились тыквы с пылающими прорезями глаз; чем ближе к центру, тем избыточней становились декорации — пляшущие скелеты, летучие мыши, ведьмы, коты и мётлы, неряшливые лохмотья паутины, россыпь листьев, преимущественно

пластиковых... Одна кондитерская была обвешана кистями настоящей рябины, алой, как загустевшая кровь, и при взгляде на неё Джеку стало не по себе.

В горт пересохло; ноги ослабели.

— Нет, пожалуй, сюда я не пойду, — пробормотал он, отступая.

И чуть не врезался в курьера на велосипеде.

— Дебил слепой! — хрипло рявкнул безразмерный серый дождевик. Под дождевиком просматривались очертания чёрной толстовки, из-под капюшона торчал козырёк кепки и блестели очки — всё совершенно бесполое, хмурое, скучное. — По сторонам смотри!

«Девушка в бегах», — пронеслось в голове.

— Простите, барышня! — Джек рефлекторно обернулся с улыбкой, которая обычно обезоруживала даже самых агрессивных. — За мной должок!

Выстрел ушёл в молоко — волшебная улыбка не только не сработала, но и, кажется, масла в огонь подлила. Красавица в недрах курьерского дождевика сердито нажала на педали и ускорила; в поворот она вписалась с трудом, едва разминувшись со студентом на скейте, и покатила вниз с холма, к привокзальным кварталам, тёмным и бесприютным. Джек содрогнулся, вспомнив, как он сам ещё четверть часа назад шагал вверх по улице, старательно избегая мусора и луж, а потом поднял воротник — ветер становился всё более зябким — и снова двинулся к центру города.

Там жизнь кипела даже поздним вечером.

В Гримм-Хилл не было ни одной прямой улицы: строился он постепенно, верней даже, медленно нарастал вокруг холма. А там, на вершине — брошюра-путеводитель с вокзала гордо сообщала об этом на первой же странице — в незапамятные времена стояла крепость, которой владел Косматый Лорд, обладатель скверного характера и большой любитель рыцарских турниров. Больше о нём, о его крепости или роде ниче-

го известно не было; брошюра, впрочем, стыдливо добавляла в самом конце, что где-то среди развалин замка спрятаны сокровища фей, нужно лишь заручиться удачей и...

Дочитав до этого места, Джек не удержался и фыркнул: любому здравомыслящему существу старше пяти лет было известно, что никаких стоящих сокровищ у фей нет, лишь золотые листья, серебряная паутина и медные блики заходящего солнца. А если и примерещится что-то по-настоящему ценное, так это знак, что пора уносить ноги, — чем заманчивее посулы, тем горше потом расплата.

С людьми примерно то же самое; но от них, по счастью, обычно можно было откупиться деньгами.

Чем выше задирался холм, тем плотнее закручивались спирали тротуаров и дорог. Больше становилось света, и вот уже вскоре уличные фонари померкли на фоне яркого сияния окон. Сувенирные магазины, пекарни, кондитерские, отели и hostels, бары, кофейни, пабы, рестораны, салоны красоты, барбершопы, фермерские лавки и цветочные... Ослепительней всего сиял отчего-то полицейский участок, обрамлённый синим и красным неонами, и там, на пороге, усталая женщина в форме, отведя в сторону зажатую в пальцах сигарету, что-то объясняла обворованному туристу с порезанным рюкзаком. Когда-то участок, видимо, окружала решётка, но сейчас от неё остался лишь контур из низко спилённых металлических столбиков по мостовой — Джек обошёл их по широкой дуге, чтобы ненароком не наступить от усталости и не испортить единственные ботинки.

А потом улица вильнула как-то особенно резко — и растворилась в центральной площади.

Сверху нависал холм с развалинами замка и фейскими кладами; вниз спускались ряды черепитчатых крыш. На площади раскинулся ночной базар с бесчисленными прилавками, забитыми сувенирной ерундой, выше

трепетали ряды оранжевых и фиолетовых флажков и парили надувные тыквы. Было шумно; звучала музыка — разная с разных концов, кто-то смеялся, кто-то торговался, а под фонарём пара в одинаковых синих шарфах бурно выясняла отношения. Пахло глинтвейном — и ещё немного печёными каштанами.

Джек вдохнул полной грудью и наконец почувствовал себя как дома.

«Тут-то мне и место».

Со своим немалым ростом — на полголовы выше почти любой толпы — он и впрямь изрядно выделялся везде. Сейчас, в холодное время года, выручала бесформенная серая парка и вязаная шапка, надвинутая на самый лоб, под которую удобно было убирать отросшие рыжие волосы, на солнце горящие как апельсин. Из-за смазливости лица и обаятельной улыбки Джека иногда принимали за афериста, пару раз даже за брачного, — и это было особенно обидно, потому что чужого он никогда не брал. Тем более чужого сердца: дурной тон по любым меркам, даже если с деньжатами откровенно напряг.

Чаевые не считались, впрочем, пусть бы их и давали усталые женщины средних лет, введённые в заблуждение лучистым взглядом, ямочками на щеках и точёным профилем.

— Ну-ка, посмотрим, чем здесь можно поживиться, — пробормотал Джек и подмигнул своему отражению в блестящей витрине. Двойник за стеклом откликнулся с запозданием — бледный от недосыпа, с интригующей синевой вокруг глаз, по-лисьи раскосых. — И для начала, пожалуй, перекусить.

Выбор было сделать проще простого. Рестораны отпадали сразу — один ужин, и денег на хостел бы не осталось; в пабах и барах грохотала музыка; в кофейнях сидели в основном девчонки, по одиночке и стайками, а ещё нормальной еды в меню не водилось. Де-

шевле всего обошёлся бы обычный супермаркет, но горячего там не выдавали... Поторговавшись с самим собой, Джек завернул в бургерную — и вскоре вышел с большим пакетом картошки, порцией наггетсов и чудовищной конструкцией, которая в меню значилась как «двойной острый с двойной котлетой, двойным сыром и маринованным луком». Вот луком-то и пахло больше всего — он перебивал даже аромат кофе из высокого, почти литрового, стакана. Найти близ ярмарочной площади свободное местечко оказалось нелегко: пришлось пролезть между палатками и устроиться на перевёрнутом ящике из-под мандаринов.

Не сразу Джек понял, что на соседнем ящике тоже кто-то сидит.

Сперва ему показалось, что это просто гора тряпья: старые куртки, мешковина, резанные джинсы... Но потом гора пошевелилась, зевнула и неохотно распрямилась. Под тряпьем обнаружился человек, страшно чумазый и крайне нелепо одетый, точно сбежавший с театральной постановки про рыцарей и фей. Но коричневая вязаная шапка у незнакомца была точно такая же, как у самого Джека, и волосы из-под неё торчали тоже рыжеватые.

А глаза оказались зелёные, немного вытянутые к вискам и ещё будто подведённые краской.

— Ой, — выдохнул незнакомец, и стало ясно, что он довольно молод, вряд ли старше тридцати. Красивые глаза смешно округлились. — Э-э...

Немытым телом, нестираной одеждой или дешёвым табаком от него не пахло, а искать другое место для перекуса было лень.

Поэтому Джек поступил так, как привык.

Откупился.

— Я ненадолго, — улыбнулся он. И протянул незнакомцу пакет с картошкой. — Хочешь? Угощаю. Мне всё равно одному много.

Это было, разумеется, бессовестное враньё.

— А-а, — понятно откликнулся незнакомец и придвинулся ближе, подбирая своё тряпье. На рукаве болтались побитые молю кружева. — Ну... спасибо?

Аппетит у него, в отличие от манер, оказался нескромный. Пакет с картошкой вскоре опустел, а потом пришёл и черёд наггетсов, причём незнакомец не побрезговал даже острым соусом и вылизал контейнер изпод него. Чудовищный бургер удобно распался на два поменьше; кофе пришлось прихлёбывать из одного стакана, просто с разных краёв... Чтобы не множить неловкость и не молчать, Джек наобум сказал:

— Сегодня здесь шумно, я смотрю.

— О да! — усмехнулся незнакомец. И вдруг достал из внутреннего кармана красивую флягу с тусклой позолотой, старую на вид. — Хочешь? Давай плесну в кофе... Вот так. Чуешь, как пахнет вереском? Само лето в каждой глотке. К слову, о лете: через два дня оно окончательно уходит и уступает место зиме, потому и большой праздник, потому и столько гостей в городе.

Джек не сразу сообразил, о чём речь.

— А, ты про Хеллоуин? Да-а, тут все как с ума с ним сошли, чёрта с два найдёшь хоть одну витрину без тыквы... И капучино без пряничного сиропа. Кстати, ликёр неплох, спасибо, — добавил он, отсалютовав стаканом. — Тебя-то сюда как занесло? Или ты местный?

Вопрос, вполне обычный, явно показался незнакомцу очень забавным. Он сморщил нос и фыркнул еле слышно, но всё же ответил:

— Я родом из графства Рэндалл. А сюда завернул в гости, хотя не уверен, что буду рад видеть хозяина, — добавил он. И лукаво взглянул искоса: — А ты?

— А я проездом. Перекантуюсь пару ночей и двинусь дальше. Может, к столице.

— Уверен? — с усмешкой перебил его незнакомец и поднялся, отряхиваясь. — Хороший ты парень, Джек,

только больно наивный... Ну, не беда — удача любит рыжих, как-нибудь выкрутишься. Спасибо за угощение! За мной должок, — подмигнул он, шагнул в щель между палатками и бесследно исчез вместе со всем ворохом тряпья, даже, кажется, вместе с ящиком, на котором сидел.

Джек остался один.

— Да не за что, — пробормотал он и вдруг понял, что своего имени незнакомцу не называл.

По спине пробежал холодок.

«Вторая странная встреча за вечер, — пронеслось вдруг в голове, стоило вспомнить девчонку в необъятном дождевике. — Ну, значит, и третьей быть».

Звуки ярмарки, такой обманчиво близкой, вдруг отдалились. Кофе в высоком стакане пах вереском, одновременно медово и горько; ветер усиливался; становилось холоднее, и небо расчищалось, делаясь чернее и прозрачней, словно открывался проход в другой мир, чужой и прекрасный.

Джеку стало не по себе, и он опустил взгляд.

«Пора искать ночлег. А то мерещится всякое...»

Времени вроде бы прошло немного, но народу на площади поубавилось. Некоторые прилавки были уже накрыты плёнкой, а товар убран. Дыхание на холоде становилось белым; пальцы без перчаток немели. Где-то на другом краю ярмарки всё ещё работала детская карусель: была слышна механическая мелодия, как из старой музыкальной шкатулки, мерцали розовые и оранжевые огоньки, смеялся ребёнок. Пахло сигаретами, словно кто-то прошёл между рядами только что и дым не успел выветриться.

Люди издали напоминали тени, и от этого было жутковато.

Голова казалась странно лёгкой; ноги тоже, хотя ещё полчаса назад гудели от усталости. Джек бесцельно кружил по ярмарке от прилавка к прилавку, от яблок

в карамели до деревянных ветряных колокольчиков, и прикидывал вяло, в какой из хостелов, примеченных по пути через город, постучаться первым. В том, что располагался на полпути к вершине холма, была общая кухня на этаже — и это помогло бы сэкономить на горячей еде, но вот койка там стоила вдвое дороже, чем у вокзала.

«В принципе если завтра удастся подзаработать, то можно будет и шикануть...» — подумал он и запнулся, потому что вдруг увидел... нет, споткнулся взглядом о человека, который настолько явно не принадлежал этому месту, что хотелось прищуриться.

Или отвернуться из-за неловкости.

...он был скрипачом, этот паренёк в коротком чёрном пальто, слишком тонком и дорогом, чтобы нормально греть на октябрьском ветру. Концы шелковистого серого шарфа трепетали у него за спиной; к груди он прижимал футляр с инструментом и озирался по сторонам с той яростной растерянностью, которая бывает у людей, родившихся с золотой ложкой во рту, а потом вдруг лишённых всего, выброшенных на обочину.

Лет пять назад такой же взгляд был и у Джека.

Паренёк — байронические повадки, чёрные встрёпанные волосы, светлые до прозрачности глаза — дёрнул застёжки на футляре, потом замер, опустил ресницы, густые, как покрашенные. Прерывисто вздохнул; огладил скрипку сквозь футляр, стиснул зубы, диковато глянул в сторону компании, распивающей вино прямо из бутылок на порожке закрытой кофейни...

Джек давно должен был пройти мимо, но не мог — и продолжал смотреть, подмечая всё новые детали. Тёмные, чересчур облегающие джинсы, которые наверняка ветром продувало насквозь; голые щиколотки; ботинки, в которых разве что в консерваторию можно пойти, но никак не гулять по городу; судорожно стиснутые паль-